

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Е.П. Бужинский, В.А. Веселов*

ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА США В XXI ВЕКЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ АДМИНИСТРАЦИЙ ДЖ. БУША-МЛ., Б. ОБАМЫ И Д. ТРАМПА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

За два десятилетия XXI в. в США сменились три администрации, ядерная политика которых содержит как общие черты, так и свои особенности. Приближение к концу второго десятилетия, возникшая неопределенность относительно судьбы Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) после февраля 2021 г. делают актуальным анализ ядерной политики США на большом отрезке времени, с тем чтобы отделить конъюнктурные изменения от долгосрочных тенденций. В свою очередь это позволяет создать основу для прогнозирования дальнейшей эволюции американской стратегии в ядерной сфере вне зависимости от исхода выборов 2020 г. В этой связи в настоящей статье рассмотрены особенности ядерной политики США в период администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа, изложенные в «Обзорах ядерной политики» (Nuclear Posture Review) 2002, 2010 и 2018 гг. и связанных с ними документах стратегического планирования, а также их материального наполнения в виде планов развития стратегических ядерных сил и нестратегического ядерного оружия. Показаны истоки ядерной политики администрации Д. Трампа и оценена степень преемственности по отношению к предшествующим администрациям. Особое внимание уделено планам масштабной модернизации всех ключевых компонентов ядерной триады США, изложенным в «Обзоре» 2018 г. Обозначены возможные последствия выхода Вашингтона из Договора

* *Бужинский Евгений Петрович* — генерал-лейтенант запаса, кандидат военных наук, руководитель Центра политико-военных проблем безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: evgbujin@mail.ru); *Веселов Василий Александрович* — старший преподаватель факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и непродления ДСНВ. Авторы заключают, что если в отношении Ирана и КНДР администрация Д. Трампа будет развивать подходы, разработанные при Дж. Буше-мл., придав им более наступательный характер за счет готовности использовать ядерное оружие в качестве не просто средства сдерживания, но реального военно-силового инструмента, то в отношении России и КНР может быть взята на вооружение так называемая доктрина Шлесинджеря. Иными словами, речь идет об откате к установкам «холодной войны» с поправкой лишь на принципиально усложнившуюся архитектуру глобальной стратегической стабильности. Авторы подчеркивают, что подобный откат чреват повторением событий кризисов 1962 и 1983 гг., и выражают надежду, что уроки истории и переговорный опыт, накопленный в годы «холодной войны», проложат дорогу новому компромиссу.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, «Обзор ядерной политики», Д. Трамп, Б. Обама, Дж. Буш-мл., ядерная триада, стратегическая стабильность, военно-политическое прогнозирование, ДСНВ, ДРСМД, ДНЯО.

Резкие заявления президента США Д. Трампа в октябре 2018 г. во время предвыборных поездок по стране о выходе из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и возможности наращивания американского ядерного арсенала¹ имеют пока скорее символическое значение, поскольку не воплотились в такие конкретные шаги, как подтверждение на официальном уровне и материальное наполнение озвученных планов. Однако любые символы и жесты в политике, особенно в такой «тонкой материи», как сфера ядерных вооружений, могут играть очень важную роль.

Символично, что новый курс в американской ядерной стратегии провозглашен в год 50-летия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Если администрация Д. Трампа будет последовательной в реализации заявленных мер, то после февраля 2021 г. миру предстоит возвращение в ситуацию 1968 г., когда между США и СССР не было ни договоров, ни переговоров. Авторы считают необходимым напомнить, что

¹ Remarks by President Trump before Air Force One Departure. Elko, Nevada. 20.10.2018 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-air-force-one-departure-4/> (accessed: 12.11.2018); Remarks by President Trump before Marine One Departure. South Lawn. 22.10.2018 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-marine-one-departure-18/> (accessed: 12.11.2018).

2018 год — юбилей не только ДНЯО, но и первой попытки начать диалог двух сверхдержав по стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям (ОСВ и ПРО), и этот первый шаг оказался неудачным.

Сразу после подписания ДНЯО 1 июля 1968 г. было объявлено о решении Москвы и Вашингтона начать двусторонние переговоры, что вытекало из их обязательств по статье VI: «Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»². В этой связи на сентябрь того же года были запланированы визит в Советский Союз президента США Л. Джонсона и его встреча с председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным в Ленинграде, которая должна была стать продолжением в новых условиях диалога, начатого годом ранее в Глассборо.

Визит не состоялся вследствие событий в Чехословакии, причем, как очевидно сегодня, ввод контингентов вооруженных сил государств — участников Организации Варшавского договора 21 августа 1968 г. стал не причиной, а поводом для отказа от переговоров. Причины были глубже. Вашингтон явно стремился выиграть время для создания более благоприятной стартовой позиции. Дело в том, что, с одной стороны, все более очевиден был стратегический паритет между СССР и США, но с другой — у американцев существовала надежда на получение односторонних преимуществ благодаря внедрению разделяющихся головных частей с боевыми блоками индивидуального наведения, поскольку это обесценивало бы паритет по носителям (первое испытание новой разработки в составе межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Минитмен III» состоялось 16 августа 1968 г. [Gibson, 1996]). Играл роль и внутривнутриполитический фактор: отказ Л. Джонсона участвовать в президентских выборах обесценивал значение договоренностей в случае их достижения.

Полвека спустя круг замкнулся. США и Россия вновь стоят перед выбором: идти по пути гонки вооружений или совместно искать способы обеспечения стратегической стабильности и

²Договор о нераспространении ядерного оружия. Статья VI // Организация Объединенных Наций. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 12.08.2018).

международной безопасности. В принятии правильного решения весьма полезными могут быть уроки истории. Переговоры между Советским Союзом и Соединенными Штатами все же начались в ноябре 1969 г., и в итоге 26 мая 1972 г. были подписаны два документа: Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (Договор ОСВ-1) и Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО). Эти документы не просто стали соглашениями по контролю над вооружениями, но сформировали «негласный кодекс» поведения сверхдержав в ядерном веке на основе признания принципов взаимного сдерживания и стратегической стабильности (хотя последний термин тогда еще не использовался официально). В следующем году этот «негласный кодекс» был дополнен еще двумя документами, содержание которых весьма актуально в современных условиях: Соглашением о предотвращении ядерной войны и Основными принципами переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений, подписанными во время визита Л.И. Брежнева в США в июне 1973 г.

Могут ли эти события вселять оптимизм, показывая, что стороны рано или поздно возвращаются к диалогу (еще один пример — возобновление переговоров в 1985 г. после острейшего кризиса осенью 1983 г.)? Возможно. Неслучайно некоторые исследователи проводят параллели между взглядами Д. Трампа и Р. Никсона [Cha, Jungkun, 2018]. Присутствие в кругу советников сегодняшнего главы Белого дома архитектора внешнеполитического курса начала 1970-х годов Г. Киссинджера служит дополнительным аргументом в пользу такого вывода. Действительно, оба президента столкнулись с проблемой формирования нового взгляда на позиционирование США в мире в связи с утратой былых преимуществ. Оба вынуждены делать это в условиях глубокого раскола в обществе, что не может не влиять на принятие внешнеполитических решений. Однако выбор Р. Никсона и Г. Киссинджера можно трактовать скорее как адаптацию США к новым реалиям, стремление к сотрудничеству вместо соперничества (это послужило базой для политики «разрядки»).

Д. Трамп, видимо, желает подгонять складывающиеся условия под собственные представления, а подписанные или одобренные им документы однозначно указывают на предпочтение им со-

перничества держав как главной характеристики современной мировой политики (см. далее). Его лозунг «Вернем Америке былое величие» («Make America great again»)³ вызывает вопрос: к чему относится «again», что президент считает эталоном величия? Этот вопрос имеет самое непосредственное отношение к ядерной политике США. Можно высказать предположение, что таким эталоном для главы Белого дома служит период формирования однополярного мира сразу после распада СССР, за которым последовала череда «упущенных возможностей» (более подробное рассмотрение внешнеполитических взглядов Д. Трампа выходит за рамки настоящей статьи).

Авторы видят свою задачу в анализе эволюции представлений трех американских администраций о роли и месте ядерного оружия в мировой политике и реализации внешнеполитических интересов США в первые два десятилетия XXI в. Такой анализ, однако, невозможен без краткого обращения к периоду 1990-х годов, разделяющих первый и второй «ядерные века».

* * *

Исходя из изложенного, истоки ядерной политики администрации Д. Трампа следует искать на рубеже 1980–1990-х годов, когда происходило осмысление последствий «холодной войны» и формировались взгляды на оптимальный, с точки зрения США, мировой порядок, задачи во внешнеполитической и военной сферах.

Одним из ключевых центров выработки решений в 1989–1992 гг. было Министерство обороны, где тогда работали будущие сотрудники администрации Дж. Буша-мл. — Р. Чейни, Р. Перл, П. Вулфовиц, Д. Фейт, З. Халилзад, а в числе экспертов были будущие авторы всех четырех «Обзоров ядерной политики» (1994, 2002, 2010, 2018) — К. Пейн, Ф. Миллер, Дж. Харви, Б. Робертс и др. Применительно к мировому порядку речь тогда шла о формировании такой центросиловой структуры, которая решала бы стоявшую перед США задачу предотвращения появления на территории бывшего СССР или еще где-либо «равных» (peer) или «примерно равных» (near peer) конкурентов, недопущения превращения региональных соперников в глобальных [Wolfowitz,

³Trump D.J. The Inaugural Address. 20.01.2017 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/> (accessed: 12.08.2018).

2011; Mann, 2004; Brands, 2018b]. В закрытых разработках Пентагона отмечалось, что США с помощью превосходства в силе должны убеждать потенциальных претендентов (если таковые появятся) в бесперспективности попыток бросать вызов американоцентричному устройству мира⁴. В несколько смягченном виде эта задача вошла в открытый документ, подписанный министром обороны Р. Чейни в январе 1993 г.: «Не позволить враждебной державе [hostile power] доминировать в регионе, критически важном для интересов США, поставить барьеры на пути возрождения глобальной угрозы интересам США и их союзников»⁵. В качестве критически важных регионов были названы Европа, Восточная Азия, Ближний Восток, Латинская Америка.

Вскоре после выхода этого документа его разработчики были вынуждены покинуть Пентагон, но 8 лет спустя продолжили свою деятельность уже в администрации Дж. Буша-мл. При этом в коридорах власти осталась сама идея управления региональными балансами сил и предотвращения появления «равных соперников» с помощью поддержания неоспоримого военного превосходства США. Так, первый из «Четырехлетних обзоров в области обороны», выпущенный в открытом виде администрацией У. Клинтона в 1997 г., содержал требование «поддерживать военное превосходство [military superiority] над существующими и потенциальными противниками»⁶. Фактически речь шла о реализации именно того курса, который был намечен предшественниками, хотя к этой преемственности старались не привлекать внимания.

Первоначально задача предотвратить появление нового «равного соперника» была тождественна недопущению возрождения старого. Такая постановка вопроса повлияла в том числе на определение параметров Договора СНВ-2, подписанного в самом начале 1993 г., и содержание «Обзора ядерной политики», выпущенного в сентябре 1994 г., в котором значительное внимание

⁴FY 94-98 Defense Planning Guidance Sections for Comment. 18.02.1992. P. 2 // U.S. Department of Defense (DOD). Available at: https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245/doc03_full.pdf (accessed: 12.10.2018).

⁵Secretary of Defense Dick Cheney. Defense Strategy for the 1990s: The Regional Defense Strategy. January 1993. P. 3 // U.S. DOD. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245/doc15.pdf> (accessed: 12.10.2018).

⁶Report of the Quadrennial Defense Review. May 1997. P. 5 // U.S. DOD. Available at: <http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR1997.pdf?ver=2014-06-25-110930-527> (accessed: 12.10.2018).

уделялось страховке от возможных рисков⁷. О завершении переосмотра ядерной стратегии министр обороны У. Перри объявил в ежегодном докладе президенту и Конгрессу в феврале 1995 г. В качестве первой задачи было указано «сдерживание враждебного правительства Российской Федерации [hostile Russian government] путем угрозы ее объектам, представляющим ценность для российского политического и военного руководства», а второй — «поддержание резерва стратегических сил страны для обеспечения сдерживания других ядерных держав»⁸. При определении количественных параметров стратегических ядерных сил (СЯС) У. Перри руководствовался принципом «воссоздания» (reconstitution), который он называл «страховкой на случай резких изменений политической системы в России».

Лишь убедившись в необратимости преобразований в России, администрация У. Клинтона во второй половине 1990-х годов поставила в центр ядерной политики проблему распространения ядерного оружия (ЯО) и средств его доставки, а также способы противодействия данным процессам — «контрраспространение» и ПРО [Ritchie, 2008]. Следует также отметить, что до намеченной на 1995 г. Конференции по рассмотрению действия и продления ДНЯО, которая должна была решить судьбу договора, Вашингтону было невыгодно акцентировать в своей политике силовые методы противодействия. Несмотря на это, приоритет подобных подходов выражался в том числе в возложении задачи контрраспространения на новую структуру — Объединенное стратегическое командование (ОСК) Вооруженных сил (ВС) США⁹, которое включило военное реагирование в планы применения ЯО [Kristensen, 2008]. В настоящее время эти задачи сохраняются за ОСК, которое после решений, принятых министром обороны Дж. Мэттисом в октябре 2018 г., становится фактически монополистом в управлении ядерными силами США (см. далее).

⁷Nuclear Posture Review slides. 23.09.1994 // U.S. DOD. Available at: <http://www.nukestrat.com/us/reviews/DODnprslides092294.pdf> (accessed: 12.10.2018).

⁸William J. Perry, Secretary of Defense. Annual Report to the President and the Congress. Washington, D.C. February 1995. P. 87. Available at: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1995_DOD_AR.pdf?ver=2014-06-24-152712-813 (accessed: 12.10.2018).

⁹Сменило упраздненное Стратегическое авиационное командование ВВС, в подчинении которого в период «холодной войны» находились два из трех компонентов ядерной триады.

Таким образом, в 1990-е годы, несмотря на количественные сокращения ядерного арсенала, роль ЯО в американской внешней политике не только не уменьшилась, а, наоборот, возросла, поскольку на него были возложены дополнительные задачи по контрраспространению в его силовом варианте. Уже в 1990-е годы, т.е. еще до публичного провозглашения этого подхода Дж. Бушем-мл., планировалось нанесение превентивных ударов по объектам в «подозреваемых» странах [Kristensen, 2008]. В рамках силового подхода к контрраспространению именно тогда наметилась тенденция к стиранию грани между стратегическим и нестратегическим ЯО. О том, что это различие окончательно упразднено, объявил министр обороны Дж. Мэттис в феврале 2018 г. в связи с принятием очередного «Обзора ядерной политики»¹⁰.

Новые приоритеты в ядерной сфере и дальнейшие перспективы развития американских СЯС были обозначены в президентской директиве № 60 (Presidential Decision Directive № 60) «Указания по политике применения ядерного оружия», подписанной У. Клинтонем в ноябре 1997 г.¹¹ В данном документе была отражена позиция военно-политического руководства США в отношении вероятности конфликтов с применением ЯО, их возможных масштабов, целей и способов ведения. Несмотря на то что Россия к тому времени по-прежнему находилась в списке главных потенциальных противников США, в качестве «примерно равного соперника» в Вашингтоне начали рассматривать Китай. Судя по имеющейся информации, в соответствии с указанной директивой У. Клинтона во введенный в действие в октябре 1999 г. план применения ядерных сил SIOP-00 впервые после 1982 г. были включены цели на территории КНР (они были исключены по решению Р. Рейгана). В плане были также намечены цели в Ираке, Иране и КНДР — будущей «оси зла» президента Дж. Буша-мл. [Kristensen, 2000: 9–10].

* * *

Идейную основу ядерной политики новой администрации до 11 сентября 2001 г. составляли наработки 1989–1992 гг. [Mann,

¹⁰ Mattis: There is no such thing as a ‘tactical’ nuke // Military.com. 06.02.2018. Available at: <https://www.military.com/defensetech/2018/02/06/mattis-there-no-such-thing-tactical-nuke.html> (accessed: 12.10.2018).

¹¹ PDD/NSC 60. Nuclear Weapons Employment Policy. November 1997 // The White House. Available at: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd60.htm> (accessed: 10.08.2018).

2004]. При этом пришлось учитывать такие проявившиеся к концу 1990-х годов изменения на мировой арене, как выдвижение Китая на роль «примерно равного соперника», усиление ядерной многополярности после испытаний в Индии и Пакистане в 1998 г. и др. О том, что именно на рубеже веков руководство США начало готовиться к серьезному противостоянию с КНР, косвенно свидетельствует включение Северной Кореи в провозглашенную Дж. Бушем-мл. в январе 2002 г. «ось зла». При всем желании связать Пхеньян с событиями 11 сентября было невозможно, но если рассматривать «ось зла» не как политический лозунг, а в качестве программы действий, то она вполне логична: после смены режимов в Ираке и Иране должна была прийти очередь «демократизации» государств Центральной Азии с превращением их во второй фронт против Китая, а «окончательное решение ядерной проблемы Корейского полуострова» должно было замкнуть кольцо вокруг КНР.

В первое время после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне ядерное сдерживание оказалось на периферии внимания новой администрации, поскольку найти для него адекватное место в наборе средств антитеррора так и не удалось. На смену сдерживанию в качестве основного инструмента ядерной политики США пришла концепция превентивных действий, в теоретическом плане проработанная еще в 1990-е годы в рамках политики контрраспространения. При этом были отставлены и такие принципиальные представления 1970–1980-х годов, как «взаимное сдерживание», «паритет», «стратегическая стабильность». На смену симметричности отношений с СССР и Россией пришла асимметрия: решительный перевес США над противниками, что позволило администрации Дж. Буша-мл. внести в ядерную политику принцип свободы рук — пока только применительно к ограниченному кругу субъектов. При этом ЯО рассматривалось не как средство политического давления, а как чисто военный инструмент, выполняющий функцию разгрома (defeat) потенциального противника. Данный подход, корни которого находятся в начальном этапе «холодной войны», сохраняется для части задач ЯО и в настоящее время: именно так формируется ядерная политика США в отношении Ирана и КНДР в «Обзоре» 2018 г.¹²

¹² Nuclear Posture Review. February 2018 // U.S. DOD. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed: 11.10.2018).

«Обзор ядерной политики» администрации Дж. Буша-мл. был представлен помощником министра обороны по вопросам международной безопасности Дж. Краучем на пресс-конференции в Пентагоне 9 января 2002 г. Сам документ был закрытым, но на брифинге помимо презентации были озвучены достаточно обширные «выдержки» (excerpts)¹³, которые дают представление о взглядах администрации на роль ЯО в достижении внешнеполитических целей США и задачи политики ядерного сдерживания, об основных количественных и качественных параметрах СЯС и нестратегического ядерного оружия (НСЯО), о связи между ядерным сдерживанием и контролем над вооружениями (в условиях объявленного выхода из Договора по ПРО и реализации Договора СНВ-1), о планах модернизации компонентов СЯС, состоянии инфраструктуры ядерного оружейного комплекса и перспективах ее изменения с учетом долгосрочных потребностей.

В «Обзоре» 2002 г. администрация Дж. Буша-мл. подчеркивала роль ЯО и его превентивного применения для сдерживания угрозы нападения на США с использованием обычных средств поражения или оружия массового уничтожения (ОМУ). Допускалось также нанесение превентивных ядерных ударов по объектам противника, воздействие по которым неядерными средствами малоэффективно¹⁴. «Стратегия национальной безопасности США» того же года закрепила это положение: «...в будущем нанесение упреждающих ударов будет важным орудием в арсенале американских средств реагирования на весь спектр угроз, начиная от террористической и заканчивая угрозами, исходящими от государств-изгоев, занятых производством ядерного, химического и биологического оружия»¹⁵. Слово «ядерный» перед термином «упреждающий удар» в данной формуле отсутствует, тем не менее такая опция явно не исключается. При этом США расширили перечень вероятных противников, в отношении которых может

¹³ Nuclear Posture Review report. 31.12.2001 // U.S. DOD. Available at: <http://www.defense.gov/news/ian2002/d20020109npr.pdf> (accessed: 11.10.2018); Nuclear Posture Review slides. 09.01.2002 // U.S. DOD. Available at: http://fas.org/spp/starwars/program/news02/dplus2002_47_2.pdf (accessed: 11.10.2018); Nuclear Posture Review excerpts. 08.01.2002 // U.S. DOD. Available at: <http://web.stanford.edu/class/polisci211z/2.6/NPR2001leaked.pdf> (accessed: 11.10.2018).

¹⁴ Nuclear Posture Review excerpts. 08.01.2002 // U.S. DOD. Available at: <http://web.stanford.edu/class/polisci211z/2.6/NPR2001leaked.pdf> (accessed: 11.10.2018).

¹⁵ The National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: The White House, 2002. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (accessed: 11.10.2018).

быть применено ЯО, включив в него «спонсоров международного терроризма» (КНДР, Иран, Сирию). Закрепляющая основные положения «Обзора» президентская директива № 14 «Указания по планированию применения ядерного оружия» была выпущена в июне 2002 г. [Kristensen, 2005] и действовала более 10 лет, до принятия аналогичной директивы Б. Обамы.

Уже в «Обзоре ядерной политики» Дж. Буша-мл. были намечены контуры программ модернизации компонентов стратегической триады, которые окончательно сформировались при администрации Б. Обамы, а реализацией их будут заниматься Д. Трамп и его преемники. Было принято принципиальное решение о сохранении ядерной триады в полном составе, несмотря на предложения ряда экспертов (в числе которых — будущий министр обороны Э. Картер) о переходе к диаде за счет отказа от наземного компонента. Вместе с тем была отвергнута инициатива разработки единой баллистической ракеты для наземного и морского базирования. В то же время запланировано создание нового пилотируемого стратегического бомбардировщика и новой крылатой ракеты в ядерном оснащении для него (целесообразность последнего решения оспаривается по сей день).

Одной из основных новаций «Обзора» 2002 г. была трансформация «старой» триады СЯС в «новую», состоящую из ядерных и неядерных наступательных сил; средств активной (в том числе противоракетной) обороны и объединяющей их системы разведки, управления и связи; а также гибкой (responsive) инфраструктуры производства ЯО и обеспечения его боевого применения, способной при необходимости к новому наращиванию возможностей (reconstitution). Следует также отметить, что принятая вскоре президентская директива № 23 упразднила существовавшее ранее деление ПРО на национальную (прикрывающую континентальную часть США) и ПРО театра военных действий (ТВД)¹⁶. Тем самым было подчеркнута ключевое свойство создаваемой системы ПРО — глобальность ее охвата за счет новых возможностей информационных средств (при ограниченных способностях собственно перехватчиков).

Особое внимание в ядерной политике Дж. Буша-мл. было уделено обеспечению возможностей по разрушению укрепленных

¹⁶ National Security Presidential Directive/NSPD-23. National Policy on Ballistic Missile Defense. 16.12.2002 // The White House. Available at: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-23.pdf> (accessed: 11.10.2018).

подземных объектов — «укрытий террористов» и хранилищ ОМУ. В этой связи были сняты установленные Конгрессом в начале 1990-х годов ограничения на разработку ядерных боеприпасов малой мощности («мини-ньюков»). В 2003 г. при обсуждении проекта бюджета на 2004 фин. г. была отменена часть «поправки Спрэтта—Фурс» 1994 г., запрещавшая финансирование исследований по созданию ЯО малой мощности (менее 5 кт в тротиловом эквиваленте), и выделены средства на такие работы.

Уже в тот период была сформулирована конечная цель идеологов современной ядерной политики США — сделать ЯО реально применимым в качестве инструмента решения внешнеполитических задач, причем круг их в настоящее время шире, чем контрраспространение (как было при У. Клинтоне) или борьба с терроризмом (при Дж. Буше-мл.). Появление качественно новых ядерных боеприпасов, сочетающих точность наведения и высокую проникающую способность, создает потенциал для нанесения контрсилловых и обезглавливающих ударов по шахтным пусковым установкам и подземным пунктам управления любых противников — не только государств-изгоев, но и «примерно равных соперников». Дискуссия о возможности нанесения подобных ударов, начатая публикацией в 2006 г. статей двух молодых ученых — К. Либера и Д. Пресса [Lieber, Press, 2006a, 2006b], продолжается и в настоящее время.

Формально за рамками ядерной политики находится принятая администрацией Дж. Буша-мл. в 2003 г. концепция «быстрого глобального удара» (БГУ; Prompt Global Strike, PGS), поскольку ее основным содержанием является применение неядерных средств поражения [Герасев, 2017]. Однако, судя по имеющейся информации, первоначальный вариант концепции был шире и включал в том числе возможность использования ЯО малой мощности. Косвенным подтверждением этого служат, во-первых, почти синхронное снятие барьера на пути создания «мини-ньюков», о чем уже было сказано, а во-вторых — возрождение ядерной модификации концепции БГУ администрацией Д. Трампа, включившей в «Обзор» 2018 г. план оснащения баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) «Трайидент II» (D5) специально разработанным маломощным зарядом, которому позднее было присвоено обозначение W76-2¹⁷. Еще до выхода указанного

¹⁷ Nuclear Posture Review. February 2018 // U.S. DOD. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed: 11.10.2018).

«Обзора» под это подводилась теоретическая база. Например, в августе 2017 г. заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) генерал П. Селва, выступая в тесно связанном с ВВС США Институте имени У. Митчелла, прямо заявил, что ядерные заряды малой мощности служат основой ядерного сдерживания в будущем, поскольку могут быть реально применимы в конфликтах¹⁸.

* * *

Президент Б. Обама уже через три месяца после инаугурации сделал громкое заявление в Праге о намерении добиваться безъядерного мира (что вскоре принесло ему Нобелевскую премию)¹⁹. Помимо размытой формулировки, содержащейся в пражской речи, глава Белого дома впоследствии еще несколько раз говорил о стремлении предпринимать конкретные шаги в сторону «глобального нуля», в том числе дальнейшее количественное сокращение ядерных сил и снижение роли ЯО в политике США²⁰.

Подтверждением решимости идти по этому пути стало подписание год спустя в той же Праге нового Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ), что в преддверии Обзорной конференции по ДНЯО должно было также служить свидетельством приверженности Статье VI последнего. Но одновременно с этим (за три дня до подписания ДСНВ) администрация опубликовала свой «Обзор ядерной политики», который, в отличие от аналогов 1994 и 2002 гг., был открытым документом (это должно было символизировать новизну подхода Б. Обамы по сравнению с предшественниками)²¹. При этом содержательная часть «Обзора»

¹⁸ Remarks by General Paul Selva at the Mitchell Institute for Aerospace Studies Strategic Deterrence Breakfast Series. Washington, D.C. 03.08.2017. Available at: http://docs.wixstatic.com/ugd/a2dd91_42600cd1e305487cbdfae0a02827bc7.pdf (accessed: 11.10.2018).

¹⁹ Remarks by President Barack Obama in Prague, Czech Republic. 05.04.2009 // The White House. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered> (accessed: 12.10.2018).

²⁰ Наиболее важным в этом ряду было выступление в Берлине, приуроченное к 50-летию известной речи Дж. Кеннеди и 65-летию «воздушного моста». См.: Remarks by President Obama at the Brandenburg Gate. Berlin, Germany. 19.06.2013 // The White House. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/19/remarks-president-obama-brandenburg-gate-berlin-germany> (accessed: 11.10.2018).

²¹ Nuclear Posture Review Report. 06.04.2010 // U.S. DOD. Available at: <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20nuclear%20posture%20review%20report.pdf> (accessed:

базировалась не на пражской речи президента, а на положениях доклада созданной Конгрессом двухпартийной комиссии во главе с двумя бывшими министрами обороны — У. Перри и Дж. Шлесинджером, которая рекомендовала проведение консервативной ядерной политики²².

В «Обзоре» 2010 г. администрация Б. Обамы подтвердила приверженность сделанному США в 1978 г. заявлению о неприменении ядерного оружия против добросовестных участников ДНЯО. Вместе с тем Вашингтон оставлял за собой право нанести ядерный удар первым для сдерживания масштабных неядерных атак, оговорив, правда, при этом небольшую вероятность такого сценария. Кроме того, в документе была подчеркнута фундаментальная роль ЯО в качестве инструмента сдерживания противников от применения ОМУ против самих США и их союзников [подробнее см.: Есин 2016, 2017; Козин, 2014; КОРТУНОВ, 2011].

В «Обзоре» 2010 г. были сформулированы пять ключевых задач ядерной политики Соединенных Штатов, которые ранжировались следующим образом:

- 1) предотвращение распространения ЯО и ядерного терроризма;
- 2) уменьшение роли ЯО в «Стратегии национальной безопасности США»;
- 3) обеспечение сдерживания и стратегической стабильности при пониженных уровнях ядерных сил;
- 4) укрепление регионального сдерживания и поддержание у союзников уверенности в гарантиях безопасности со стороны США;
- 5) поддержание надежного, безопасного и эффективного ядерного арсенала.

Приоритетную задачу — предотвращение распространения ЯО и ядерного терроризма — предполагалось решать путем укрепления режима нераспространения и его основы — ДНЯО

11.10.2018); 2010 Nuclear Posture Review Report. Fact Sheet. 06.04.2010 // U.S. DOD. Available at: <http://www.defense.gov/npr/docs/npr%20fact%20sheet%20april%202010.pdf> (accessed: 11.10.2018); Nuclear Posture Review background briefing slides. 05.04.2010 // U.S. DOD. Available at: <http://www.defense.gov/npr/docs/NPR101.pdf> (accessed: 11.10.2018); Nuclear Posture Review rollout briefing slides. 06.04.2010 // U.S. DOD. Available at: http://www.defense.gov/npr/docs/10-04-06_NPR%20201%20Briefing%20-%201032.pdf (accessed: 11.10.2018).

²² Perry W.J., Schlesinger J.R. et al. America's Strategic Posture: The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States. Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2009. Available at: http://media.usip.org/reports/strat_posture_report.pdf (accessed: 10.10.2018).

за счет нейтрализации ядерных амбиций Ирана и КНДР и приверженности системе гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ); обеспечения физической безопасности всех потенциально уязвимых ядерных материалов в мире; вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. (до сих пор не ратифицированного США); лишения террористов возможности доступа к ядерным объектам и приобретения ими расщепляющихся материалов.

Что же касается второй по значимости задачи — снижения роли ЯО, то ее следует рассматривать не как отголосок пражской речи Б. Обамы, а как отражение объективной тенденции роста возможностей неядерных средств поражения, обеспечиваемой новыми технологиями, прежде всего информационно-коммуникационными. Неслучайно именно при администрации Б. Обамы в США была начата подготовка (в форме «третьей стратегии компенсации») к новой революции в военном деле [Кокошин и др., 2015].

Помимо военно-технических новаций было принято стратегическое решение о «переносе центра тяжести в Азию» (rebalance to Asia). Публично о новом курсе объявили в конце 2011 г. президент Б. Обама и государственный секретарь Х. Клинтон²³. По сути, это стало возвращением к тому курсу, который намечался администрацией Дж. Буша-мл. до 11 сентября 2001 г, однако был отложен (но не отменен) в связи с началом «глобальной войны с террором». Военно-политическая часть «переноса центра тяжести» была сформулирована в новом документе — «Стратегических указаниях по обороне»²⁴, который занимает необычное место в ряду базовых материалов стратегического планирования США. Стандартным является набор из четырех документов, разрабатываемых ключевыми ведомствами и определяющих основные направления политики действующей администрации в области национальной безопасности, а именно: «Стратегия национальной безопасности» (подписывает президент), «Наци-

²³ Remarks by President Obama to the Australian Parliament. Canberra, Australia. 17.11.2011 // The White House. Available at: www.whitehouse.gov/the-pressoffice/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament (accessed: 11.10.2018); Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. 2011. No. 189. P. 56–63.

²⁴ Defense Strategic Guidance. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. Washington, D.C.: Department of Defense. 03.01.2012. Available at: http://www.defense.gov/news/defense_strategic_guidance.pdf (accessed: 11.10.2018).

ональная оборонная стратегия» (утверждает министр обороны), «Национальная военная стратегия» (подписывает председатель ОКНШ), «Обзор ядерной политики» (готовят совместно Министерства обороны и энергетики). В данном случае «Указания» были составлены в Пентагоне, сопроводительное письмо к ним подписано министром обороны, но документ открывается двухстраничным текстом за подписью Б. Обамы. Это показывает, что президент делегировал выработку нового стратегического курса военному ведомству, как это уже было в 1989–1992 гг. (см. ранее).

С учетом объявленной «перебалансировки», а также положений «Обзора ядерной политики» 2010 г. велась выработка новой директивы по применению ЯО, которая должна была заменить NSPD-14 Дж. Буша-мл. 12 июня 2013 г. новый министр обороны Ч. Хейгел представил Конгрессу доклад «Стратегия применения ядерного оружия США»²⁵. После того как документ получил одобрение законодателей, Б. Обама 19 июня 2013 г. подписал разработанную на его основе президентскую политическую директиву № 24 (PPD-24), определяющую стратегию применения ЯО²⁶. Содержащиеся в директиве указания были учтены при разработке обновленных оперативных планов использования ядерных сил США. Судя по имеющейся информации, директива PPD-24 сохраняет свое значение и в настоящее время, поскольку аналогичный документ Д. Трампа пока не принят (похожая ситуация существовала и в 2009–2013 гг., когда при администрации Б. Обамы сохраняла силу директива Дж. Буша-мл.).

С учетом названного «переноса центра тяжести» была существенно скорректирована унаследованная от предшественника концепция БГУ, прежде всего в части ее «глобальности». Так, первоначальным ее положением была необходимость поражать цели именно с континентальной части США, поскольку после начала «войны с террором» быстро выяснилось, что из-за сокращения в 1990-е годы передового присутствия на заморских ТВД удары по непредсказуемо возникающим целям действительно придется наносить с межконтинентальной дальности. Но гло-

²⁵ Report on Nuclear Employment Strategy of the United States. Specified in Section 491 of 10 USC. 12.06.2013 // U.S. DOD. Available at: <http://www.defense.gov/pubs/ReporttoCongressUSNuclearEmploymentStrategy-Section491.pdf> (accessed: 11.10.2018).

²⁶ Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. Fact Sheet. 19.01.2013 // The White House. Office of the Press Secretary. Available at: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/19fact-sheet-nuclear-weapons-employment-strategy-united-states> (accessed: 11.10.2018).

бальная досягаемость (в этом смысл концепции) не обязательно требует глобальной дальности средств поражения. Вопрос: откуда можно нанести безнаказанный удар?

В 2010-х годах проблема была уже не в отсутствии инфраструктуры на потенциальных ТВД и непредсказуемости источников угроз, а в том, что противник изменился. Теперь это были не появляющиеся в любом месте террористы, а локализованный в пространстве Китай. Таким образом, районы развертывания средств поражения могут располагаться ближе к потенциальным целям, поскольку противники уже определены, а ТВД оборудованы. Иными словами, произошел перенос концепции с глобального на региональный уровень, что было отражено уже в «Обзоре ядерной политики» 2010 г., где возможности БГУ рассматривались в качестве «важного элемента эффективной региональной архитектуры безопасности, позволяющего усилить американский потенциал регионального сдерживания»²⁷.

Такое изменение приоритетов неизбежно должно было поставить вопрос о судьбе ДРСМД. В документах Конгресса упоминается датированный сентябрем 2013 г. доклад председателя ОКНШ «О возможностях неядерного быстрого глобального удара в случае освобождения от ограничений ДРСМД»²⁸, который, судя по всему, готовился параллельно с PPD-24. Этот документ, видимо, является закрытым (его текст не удалось найти на доступных информационных ресурсах), однако сам факт его существования не скрывается, т.е. открыто признается, что проработка «новых возможностей» велась как минимум за 5 лет до заявления Д. Трампа о выходе из договора.

Характерно, что уже в 2014 г. конгрессмены поручили Пентагону создать дополнительные «военные возможности» (military capabilities) помимо содержащихся в названном докладе. Весьма показательным, что одновременно от военного ведомства потребовали оценить вероятность существенного наращивания средств

²⁷ Nuclear Posture Review Report. 06.04.2010. P. 34 // U.S. DOD. Available at: <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20nuclear%20posture%20review%20report.pdf> (accessed: 12.10.2018).

²⁸ Chairman of the Joint Chiefs of Staff. Report on Conventional Prompt Global Strike Options if Exempt from the Restrictions of the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics. September 2013. Документ упоминается, например, в: Public Law 115–91. December 12, 2017. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018. Sec. 1242 (7) // U.S. Government Publishing Office. Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-115publ91/pdf/PLAW-115publ91.pdf> (accessed: 12.10.2018).

ПРО, включая размещение информационных компонентов и комплексов «Иджис Эшор» и ТНААД в Восточной Европе, Прибалтике, Закавказье, Японии и других «государствах-союзниках в Восточной Азии», а также развертывание кораблей с системой «Иджис» в Северном, Черном, Балтийском и Белом (!) морях, создание инфраструктуры для тактического ядерного оружия (ТЯО) в Восточной Европе²⁹.

Администрация Б. Обамы при пересмотре задач БГУ должна была также учитывать, что США теперь противостоит не только хорошо известный, но и хорошо вооруженный (в отличие от террористов) противник. Начиная с лета 2013 г. специализированные издания прямо отмечают, что в связи с переносом фокуса внимания Пентагона на Китай Управление перспективных исследовательских проектов (ДАРПА; Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA) и ВВС сосредоточили усилия на проработке возможностей прорыва гиперзвуковыми средствами поражения современной интегрированной системы противовоздушной обороны (ПВО)³⁰. Этот приоритет сохраняется и при администрации Д. Трампа. Так, отвечающий в ВВС за разработку гиперзвуковых летательных аппаратов генерал-лейтенант А. Банч подчеркивает, что цель испытаний новых технологий — подтверждение возможностей поражения объектов в условиях сильного противодействия со стороны ПВО³¹.

Перенос задач БГУ со стратегического уровня на тактический (точнее, на оперативный, так как имеется в виду операция по подавлению ПВО противника) создает сильный стимул для разработки средств средней дальности, запрещенных по условиям ДРСМД. Неслучайно именно в 2013 г. в США началось нагнетание обвинений в адрес России в части соблюдения норм договора. Видимо, принципиальное решение о выходе из него США было принято где-то в 2013–2014 гг., но его реализацию Б. Обама оставил своему преемнику.

²⁹ H.R. 4435 — FY15 National Defense Authorization Bill. Subcommittee on Strategic Forces. Directive Report Language. P. 101–102 // U.S. House of Representatives. Available at: <https://docs.house.gov/meetings/AS/AS29/20140430/102126/BILLS-113HR4435ih-U1.pdf> (accessed: 12.10.2018).

³⁰ DARPA refocuses hypersonics research on tactical missions // Aviation Week & Space Technology. 08.07.2013. Available at: <http://aviationweek.com/awin/darpa-refocuses-hypersonics-research-tactical-missions> (accessed: 12.10.2018).

³¹ Accelerating hypersonics development. 09.05.2017 // U.S. Air Force. Available at: <http://www.hill.af.mil/News/Article-Display/Article/1177338/accelerating-hypersonics-development/> (accessed: 12.10.2018).

27 января 2017 г. президент Дональд Трамп подписал свой первый меморандум по национальной безопасности NSPM-1 «Перестройка вооруженных сил США»³². В числе задач по наращиванию военных возможностей глава Белого дома поручал Пентагону начать разработку новых «Обзора ядерной политики» и «Обзора по ПРО» со сроком представления президенту до конца 2017 г. Возможно, одновременно был подписан и закрытый документ, касающийся модернизации ядерных сил, о чем спустя полгода Д. Трамп сообщил в Твиттере³³.

Разработка «Обзора по ПРО» сильно затянулась, а «Обзор ядерной политики» был опубликован с некоторым опозданием — 2 февраля 2018 г. К этому времени уже были выпущены новые «Стратегия национальной безопасности» и открытая часть «Национальной оборонной стратегии».

Главным отличием перечисленных документов от их аналогов, изданных предыдущими администрациями, является констатация новой геополитической реальности, что прямо зафиксировано в «Национальной оборонной стратегии» и в той или иной форме повторяется в остальных. Сложившиеся условия описываются следующим образом: «В настоящее время главный элемент национальной стратегии США в области безопасности — не борьба с терроризмом, а межгосударственное стратегическое соперничество. Безусловным приоритетом является долгосрочное стратегическое соперничество с Россией и Китаем»³⁴. И если во всех предыдущих оборонных стратегиях последние определялись как региональные державы, представляющие угрозу для США регионального масштаба, то нынешняя характеризует их как глобальных игроков с соответствующими амбициями.

С этой точки зрения «Обзор» 2018 г. значительно отличается от предшествующих документов (1994, 2002, 2010). Несмотря

³² Presidential Memorandum on Rebuilding the U.S. Armed Forces. 27.01.2017 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/27/presidential-memorandum-on-rebuilding-us-armed-forces> (accessed: 12.10.2018).

³³ 'My first order as President was to renovate and modernize our nuclear arsenal. It is now far stronger and more powerful than ever before'. 09.08.2017 // Donald J. Trump Official Twitter. Available at: https://twitter.com/realDonaldTrump/status/895252459152711680?ref_src (accessed: 12.10.2018).

³⁴ Office of the Secretary of Defense. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: Department of Defense, 2018. Available at: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed: 12.10.2018).

на определенные различия в подходах к оценке международной обстановки администраций У. Клинтона, Дж. Буша-мл. и Б. Обамы, все они в своих «Обзорах» исходили из того, что ни одно государство в мире не представляет экзистенциальной угрозы Соединенным Штатам, поэтому роль ЯО при решении задач силового сдерживания должна постепенно снижаться. Авторы нового «Обзора» руководствуются принципиально иными установками. Во-первых, в условиях постоянно меняющейся и неопределенной ситуации в плане международной безопасности Россия и в меньшей степени Китай создают реальную военную угрозу для США. Во-вторых, в военном противостоянии этим странам роль ЯО объективно возрастает. Кроме того, в определенной степени опасны для Америки «страны-изгои»: КНДР и Иран, т.е. остаток «оси зла» Дж. Буша-мл.

России и Китаю в «Обзоре» отведено немало места. В частности, отмечается, что «в то время как Соединенные Штаты продолжают сокращать количество и снижать значимость ядерных вооружений, другие страны, в том числе Россия и Китай, движутся в противоположном направлении». Они «пополняют свои арсеналы новыми видами ядерных средств, усиливают роль ядерных сил в своих стратегиях и планах и ведут себя все более агрессивно, в том числе в космическом пространстве и киберпространстве»³⁵. При этом, очевидно, в целях некоторого смягчения риторики документа подчеркивается, что «Соединенные Штаты не хотят считать ни Россию, ни Китай своими противниками, стараются поддерживать стабильные отношения с обеими странами» и рассчитывают на то, что когда-нибудь «сложатся такие условия, которые вновь позволили бы наладить прозрачное и конструктивное сотрудничество с Россией»³⁶.

Особенно заметны отличия нынешнего «Обзора» от аналогичного документа предыдущей администрации. Так, если в 2010 г. единственная роль ЯО определялась как сдерживание ядерного нападения на Соединенные Штаты, то в 2018 г. его применение допускается и в изначально неядерном конфликте. Кроме того, принципиально различаются и приоритеты ядерной стратегии администраций Б. Обамы и Д. Трампа. Как уже было

³⁵ Nuclear Posture Review. February 2018 // U.S. DOD. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed: 12.10.2018).

³⁶ Ibidem.

отмечено, «Обзор» 2010 г. сосредоточен на таких аспектах, как: предотвращение распространения ЯО и противодействие ядерному терроризму; снижение роли ЯО в «Стратегии национальной безопасности США»; обеспечение стратегического сдерживания и стратегической стабильности на пониженных уровнях ядерных сил; укрепление регионального сдерживания и обеспечение безопасности союзников и партнеров; поддержание в высокой степени готовности и безопасности эффективного ядерного арсенала. Приоритеты «Обзора» 2018 г. иные, и сформулированы они следующим образом:

- 1) предотвращение нападения на США с применением и без применения ЯО;
- 2) гарантии безопасности союзников и партнеров;
- 3) достижение целей государственной политики США в случае невозможности сдерживания;
- 4) способность реагировать на непредвиденные ситуации в будущем.

Правда, в документе содержится пассаж о том, что «предотвращение распространения ядерного оружия, материалов или знаний и навыков, необходимых для его создания, а также лишение возможности доступа к ним террористов также являются ключевыми соображениями, которыми руководствуются США, разрабатывая ядерную политику и соответствующие требования»³⁷.

Одним из основных приоритетов «Обзора» 2018 г. определено **предотвращение нападения с применением или без применения ядерного оружия**. Это положение является принципиальной новацией в подходах руководства США к возможности нанесения ядерного удара. При этом понятие «нападение без применения ядерного оружия» никак не конкретизируется и в принципе может означать все что угодно: от кибератаки до вмешательства в выборы. В документе дается следующее обоснование данного приоритета: «...потенциальные противники должны осознавать, что при любых возникающих угрозах и в любых ситуациях: 1) Соединенные Штаты способны распознать их и привлечь к ответственности за агрессивные действия, в том числе новые формы агрессии; 2) мы отразим любую атаку с применением неядерного стратегического оружия; 3) любая ядерная эскалация

³⁷ Ibidem.

не позволит противникам достичь своих целей, но обернется для них неприемлемыми последствиями»³⁸.

Следует отметить, что хотя возможность ядерного ответа на кибератаки в «Обзоре» 2010 г. не фигурирует, она упоминалась еще должностными лицами администрации Б. Обамы. Так, заместитель министра обороны У. Линн в июле 2011 г. заявил, что в случае «серьезной» (serious) кибератаки США оставляют за собой право на военный ответ «в месте и времени по нашему собственному выбору» (т.е. дословно повторяется формула «масшированного возмездия» 1953 г.)³⁹. В мае 2012 г. министр обороны Л. Панетта подчеркнул: «...нет сомнения в том, что кибератака против энергетической или финансовой системы США, а также органов государственного управления будет рассматриваться как акт войны»⁴⁰.

Следующим приоритетом «Обзора» являются **гарантии безопасности союзников и партнеров**. При этом речь идет о «расширенном сдерживании», т.е. способности США сдерживать и при необходимости отразить любую агрессию со стороны потенциального противника в отношении союзников и партнеров в Европе, Азии и Тихоокеанском регионе с применением или без применения ЯО. Повторно эта тема поднимается в разделе о нераспространении. Интересна ее трактовка авторами документа. Так, отмечается: «Соединенные Штаты продолжают политику предоставления надежных ядерных гарантий более тридцати своим союзникам и партнерам, что совершенно необходимо для удовлетворения их нужд по решению задач ядерного сдерживания и делает неактуальным самостоятельное обладание ими ядерным оружием. Предоставление надежных гарантий ядерного сдерживания другим странам останется краеугольным камнем усилий США в области нераспространения ядерного оружия»⁴¹.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Remarks on the Department of Defense Cyber Strategy. As Delivered by Deputy Secretary of Defense William J. Lynn, III. Washington, D.C. National Defense University. 14.07.2011. Available at: <http://archive.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1593> (accessed: 12.10.2018).

⁴⁰ Secretary Panetta Interview with ABC News Jake Tapper. 27.05.2012 // U.S. DOD. Available at: <https://archive.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=5041> (accessed: 12.10.2018).

⁴¹ Nuclear Posture Review. February 2018 // U.S. DOD. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed: 12.10.2018).

Разъяснение в «Обзоре» приоритета **достижения целей государственной политики США в случае невозможности сдерживания** сводится к констатации готовности Вашингтона применить ЯО с целью положить конец любому конфликту «с минимально возможными потерями и на максимально выгодных условиях для США, их союзников и партнеров»⁴².

Наконец, последним приоритетом обозначена **способность реагировать на непредвиденные ситуации в будущем**, которая с учетом «возрастающего значения ядерного оружия в оборонной политике и стратегии потенциальных противников, а также неопределенности в развитии ситуации в плане характера угроз» сводится к готовности модифицировать ядерный потенциал США для нейтрализации всего спектра потенциальных рисков.

При этом главной задачей ядерной политики администрации Д. Трампа является проведение широкомасштабной модернизации ядерного комплекса США, включая все компоненты ядерной триады (подводные лодки (ПЛАРБ), вооруженные баллистическими ракетами, МБР наземного базирования, стратегические бомбардировщики, оснащенные бомбами свободного падения или крылатыми ракетами воздушного базирования, нестратегические ядерные силы, системы управления и связи, а также исследовательский, испытательный и производственный комплексы). Стоимость этой модернизации в течение ближайших 30 лет должна составить 1,2 трлн долл.⁴³ Правда, министр обороны США Д. Мэттис в своем сопроводительном письме к «Обзору» пишет, что программа совсем не обременительна для бюджета Пентагона и составляет всего 6,4% его нынешнего объема⁴⁴.

Следует отметить, что задача модернизации американских ядерных сил была поставлена еще в «Обзоре» 2010 г. Однако администрация Б. Обамы подчеркивала, что она не собирается создавать новые типы ядерных носителей и боеприпасов, а сосредоточится на продлении жизнеспособности существующих.

⁴² Ibidem.

⁴³ Approaches for Managing the Costs of U.S. Nuclear Forces, 2017 to 2046 // Congress of the United States. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/system/files/115th-congress-2017-2018/reports/53211-nuclearforces.pdf> (accessed: 12.10.2018).

⁴⁴ Nuclear Posture Review. February 2018 // U.S. DOD. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed: 12.10.2018).

Анализ состояния ядерной триады ВС США и определение основных направлений ее модернизации занимают в «Обзоре» 2018 г. значительное место. Кроме того, одной из главных особенностей данного документа является отведение важной роли НСЯО.

Что касается планов модернизации составляющих триады, то, по мнению авторов «Обзора», она для решения задач эффективного сдерживания должна отвечать следующим основным требованиям:

- выживаемость, необходимая для сохранения потенциала для ответа после удара вероятного противника и устойчивости в течение всего кризиса или конфликта;
- способность к временной или постоянной передислокации на территорию союзника или партнера части ядерного арсенала для достижения необходимого политического или военного эффекта;
- разнообразие ядерных средств с точки зрения мощности боезарядов, их типов и носителей для обеспечения максимально эффективной поддержки любых операций против любого противника;
- точность доставки боезарядов для поражения выбранных целей на территории противника при минимизации непреднамеренного ущерба;
- способность преодолевать активную и пассивную оборону, включая поражение укрепленных и подземных сооружений, для безусловного отражения возникающих угроз и достижения поставленных военных целей;
- наличие средств с разнообразной дальностью поражения для обеспечения необходимой поддержки любых видов проводимых операций;
- способность к быстрому развертыванию и боевому применению для отражения любого вида угроз;
- способность к развертыванию сил и средств в разнообразных географических районах со сложным рельефом местности для затруднения противнику процесса планирования активной и пассивной обороны;
- способность к быстрому перенацеливанию имеющихся в распоряжении средств для облегчения процесса планирования и боевого применения.

По мнению авторов «Обзора», в совокупности с эффективной системой управления и связи данные требования могут обеспечить гибкость и надежность ядерной триады.

Конкретно все три ее компонента будут модернизированы в соответствии с утвержденными программами.

Силы сдерживания морского базирования. В настоящее время ВМС США имеют на вооружении ПЛАРБ класса «Огайо» с БРПЛ «Трайидент II». Морской компонент триады считается самым надежным с точки зрения выживания в ядерном конфликте, прежде всего в силу своей малозаметности, что в значительной степени затрудняет его обнаружение. Тем не менее развитие современных средств противолодочной борьбы у вероятного противника требует дальнейшего совершенствования имеющихся в распоряжении ВМС США с 1981 г. ПЛАРБ класса «Огайо». Срок их службы истекает в 2042 г. Начиная с 2031 г. на вооружение начнут поступать ПЛАРБ класса «Колумбия». Всего в составе ВМС планируется иметь 12 лодок этого класса. БРПЛ «Трайидент II» были приняты на вооружение в 1990 г. и останутся до 2042 г., т.е. до полной замены ПЛАРБ класса «Огайо». Разработка новой БРПЛ начнется в 2020 г.

Силы сдерживания наземного базирования имеют на вооружении 400 МБР «Минитмен III» с моноблочной головной частью, развернутых в шахтах (еще 50 пусковых установок находятся в резерве). Данный компонент триады считается самым боеготовым в силу постоянного нахождения в высшей степени готовности к пуску. МБР «Минитмен III» находятся на вооружении ВМС США с 1970 г. и прошли уже несколько программ продления жизненного цикла. Последняя такая программа была рассчитана до 2030 г., после этого данные МБР будут сняты с вооружения. В рамках создания системы оружия наземного базирования для обеспечения стратегического сдерживания (Ground-Based Strategic Deterrent, GBSD) начиная с 2029 г. они будут меняться на аналогичное количество новых МБР. Программой также предусматривается модернизация 450 шахтных пусковых установок для МБР.

Силы сдерживания воздушного базирования представлены 46 тяжелыми бомбардировщиками В-52Н и 20 тяжелыми бомбардировщиками В-2А, выполненными по технологии «стелс». Они могут нести различные виды ядерного оружия, а именно крылатые ракеты большой дальности и бомбы свободного падения В-61-11 и В-83-1, которые в 2020 г. будут заменены на бомбы В-61-12. В соответствии с имеющимися планами данные самолеты будут заменены на стратегические бомбардировщики

следующего поколения В-21 «Райдер». Крылатые ракеты воздушного базирования, которыми уже более 25 лет оснащаются бомбардировщики В-52Н, подлежат замене на новые ракеты, разрабатываемые в рамках программы модернизации крылатых ракет дальнего радиуса действия (Long-Range Stand-Off, LRSO).

Одним из основных моментов, отличающих политику администрации Д. Трампа в области применения ЯО от подхода его предшественников, является место в ней НСЯО. В начале 1990-х годов в рамках односторонних инициатив президентов РФ и США американцы значительно сократили свои запасы данного оружия, оставив лишь бомбы свободного падения и крылатые ракеты морского базирования (КРМБ), от которых Б. Обама отказался в 2012 г. После этого в арсенале американского НСЯО остались лишь бомбы свободного падения В-61, которыми оснащены истребители-бомбардировщики F-15E и самолеты двойного назначения союзников США, подлежащие замене на многоцелевые истребители F-35 начиная с 2024 г.

Очевидно, что конкретные количественные параметры программ модернизации СЯС будут определяться в зависимости от решения вопроса о судьбе ДСНВ, поскольку существующие планы пока составлены с учетом его ограничений.

Важным компонентом ядерных сил США является **система управления и связи**, состоящая из таких элементов, как спутники системы предупреждения, радиолокационные станции (РЛС) обнаружения и оповещения, спутники связи, летательные аппараты и наземные станции, стационарные и мобильные командные пункты и центры управления ядерными силами. В частности, система включает следующие основные компоненты:

- системы раннего предупреждения: стационарные РЛС с антенной фазированной решеткой, систему инфракрасного обнаружения космического базирования и национальную систему засечки взрывов;
- системы связи: военные спутники передачи данных стратегического и тактического звена, СВЧ-спутники, широкий спектр наземных передающих систем во всем диапазоне радиочастот и передающий самолет системы ТАСАМО;
- стационарные пункты управления: Национальный центр военного управления и Центр управления глобальными операциями ОСК. Данные пункты также включают линии связи с американскими ядерными силами передового базирования

в составе Европейского командования и в других регионах мира. Существуют и мобильные пункты управления, в частности Национальный воздушный командный пункт на базе самолетов E4B, воздушные пункты управления и связи ВМС на базе самолетов E6B и наземные мобильные системы.

В «Обзоре» утверждается, что последний раз комплексная модернизация системы проводилась почти три десятилетия назад, и в настоящее время «страдает от проблем, обусловленных как старением ее компонентов, так и новыми усиливающимися угрозами XXI века, такими как угрозы в космическом пространстве и киберпространстве»⁴⁵.

Как сообщил командующий ОСК ВС США генерал Дж. Хайтен, 3 октября 2018 г. министр обороны Дж. Мэттис подписал директиву о централизации управления и связи СЯС, предусматривающую в том числе наделение командующего ОСК дополнительными полномочиями, которые ранее принадлежали коллегиальному органу в Пентагоне⁴⁶. Под это решение уже создается соответствующая инфраструктура: в настоящее время ведется строительство новой штаб-квартиры ОСК в Омахе (штат Небраска) с центром управления СЯС, которое планируется завершить в 2019 г.

Отдельно прописаны в «Обзоре» состояние и перспективы развития **инфраструктуры ядерного оружия**, которая включает программы НИОКР, испытаний, аттестации и производства в соответствии с установленными Министерством обороны требованиями в отношении боезарядов. Характеризуя современное состояние инфраструктурного комплекса, авторы документа отмечают, что «более половины его объектов старше 40 лет, а четвертая их часть была создана еще во времена Манхэттенского проекта»⁴⁷. В рамках программы модернизации инфраструктуры ядерного оружия в течение ближайших 12 лет планируется продлить сроки службы авиационных бомб свободного падения

⁴⁵ Nuclear Posture Review. February 2018 // U.S. DOD. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed: 12.10.2018).

⁴⁶ Gen. Hyten defends updating U.S. nuclear arsenal, aims to 'strike fear' in potential enemies // Omaha World-Herald. 02.12.2018. Available at: https://www.omaha.com/news/military/gen-hyten-defends-updating-u-s-nuclear-arsenal-aims-to/article_acbed90ef083-5122-9e12-e09d87f8f299.html (accessed: 12.10.2018).

⁴⁷ Nuclear Posture Review. February 2018 // U.S. DOD. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed: 12.10.2018).

В61-12, головных частей ракет с зарядами W76-1, W88, W80-4, W78, а также перенести запланированную дату снятия с вооружения авиабомбы В83-1 до тех пор, пока не будет найдена подходящая замена. Кроме того, будет активизирована программа разработки крылатой ракеты воздушного базирования нового поколения и сформулированы требования в отношении боевой части баллистических ракет, в том числе изучены возможности использования общих систем головных частей в ВВС и ВМС США.

Примечательно, что в «Обзоре» 2018 г. предусмотрен комплекс мер по восстановлению потенциала предприятий по производству ядерного оружия, которые входят в сферу ответственности Министерства энергетики США. В частности, планируются создание стабильных мощностей для выпуска плутониевых сердечников в количестве не менее 80 в год, восстановление производства литийсодержащих соединений, финансирование комплекса по переработке урана в полном объеме и обеспечение наличия достаточного количества низкообогащенного урана для военных нужд. Кроме того, документом предусматривается разработка плана деятельности Национального управления по ядерной безопасности, в котором «производственные возможности должны быть приведены в соответствие с потребностями модернизации и задачами обеспечения готовности к непредвиденным ситуациям»⁴⁸.

В отличие от «Обзора ядерной политики» 2010 г., основные приоритеты Б. Обамы, а именно противодействие ядерному терроризму, нераспространение и контроль над вооружениями, в новом документе занимают последние два места.

В очень коротком разделе, посвященном **противодействию ядерному терроризму**, основные направления деятельности администрации практически не отличаются от тех, которые были характерны для ее предшественниц:

- обеспечение сохранности ядерного оружия, ядерных материалов и технологий в целях недопущения их злонамеренного использования;
- усиление взаимодействия с союзниками, партнерами и международными институтами для борьбы с ядерным терроризмом;
- сдерживание государственной поддержки ядерного терроризма посредством продвинутых практик судебного преследования и установления истины;

⁴⁸ Ibidem.

- усиление защиты от ядерного терроризма в целях предотвращения нанесения ущерба американскому народу и интересам Соединенных Штатов внутри страны и за рубежом;
- повышение готовности к уменьшению негативных эффектов ядерных инцидентов.

Наиболее интересным пассажем в данном разделе «Обзора» является следующий: «Несмотря на то что роль ядерного оружия США в противодействии ядерному терроризму ограничена, наши противники должны понимать, что террористическая атака с применением ядерного оружия против Соединенных Штатов, наших союзников и партнеров будет считаться “чрезвычайной ситуацией”, в которой Соединенные Штаты не исключают возможности принятия крайних мер в качестве ответного удара»⁴⁹. Таким образом, можно предположить, что акт терроризма с использованием «грязной бомбы» на территории США или их союзников и партнеров, осуществленный представителями движения «Талибан», может привести к удару ядерным оружием по территории Афганистана.

Последний раздел «Обзора» посвящен проблематике **нераспространения и контроля над вооружениями**.

Раздел начинается с оценки важности ДНЯО. В частности, авторы констатируют, что этот документ «является краеугольным камнем режима нераспространения. Он обеспечивает формальные юридически закреплённые международным правом рамки использования мер ограничения и воспрещения доступа к ядерному оружию потенциальным распространителям, а также выявления, сдерживания и санкционного наказания нарушителей режима нераспространения. Договор определяет легальные рамки использования ядерной энергии в мирных целях, позволяя государствам реализовывать гражданские ядерные программы под международным контролем. Это обеспечивает транспарентность и уверенность в том, что данные программы не будут использованы для распространения ядерного оружия»⁵⁰. В целом США остаются приверженными нераспространению ядерного оружия и будут продолжать работу по укреплению режима ДНЯО.

В этой области Вашингтон намерен решать следующие задачи:

- сведение к минимуму количества государств, обладающих ядерным оружием, в том числе путем проведения политики

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibidem.

- ядерного сдерживания и предоставления странам гарантий безопасности;
- лишение террористических организаций доступа к ядерному оружию и материалам;
 - осуществление строгого контроля за материалами, технологиями и знаниями, используемыми для производства ядерного оружия;
 - стремление к заключению способствующих безопасности соглашений о контроле над вооружениями, подлежащих исполнению и поддающихся проверке.

В отличие от политики предшественников, администрация Д. Трампа не ставит задачу ратификации и вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, но будет продолжать поддержку работы Подготовительного комитета Договора, а также Международной системы мониторинга и Международного центра данных. Что касается возобновления натуральных испытаний ядерного оружия, то США и дальше станут воздерживаться от них, если это не будет необходимо для обеспечения безопасности и эффективности американского ядерного арсенала.

В заключение раздела, посвященного нераспространению, дается оценка нового Договора о запрещении ядерного оружия. В частности, отмечается, что «открытый для подписания в ООН в 2017 г., данный Договор основан на абсолютно нереалистичных ожиданиях ликвидации ядерных арсеналов без предшествующей ей трансформации системы международной безопасности. Действия инициаторов заключения Договора раскололи международное сообщество и преследуют цель включения вопросов контроля над вооружениями в проблематику нераспространения, потенциально ставя под угрозу сам режим. Договор может нанести ущерб безопасности Соединенных Штатов и многих их союзников и партнеров, которые полагаются на американские гарантии ядерного сдерживания. Положения Договора о запрещении ядерного оружия также могут подорвать текущее и перспективное военное сотрудничество между Соединенными Штатами и странами-подписантами, критичное для осуществления надежного ядерного сдерживания в интересах союзников и партнеров»⁵¹.

⁵¹ Ibidem.

Последним по значимости в «Обзоре» 2018 г. его авторы поставили продолжение процесса сокращения стратегических наступательных вооружений. Предсказуемо Россия обвиняется в нарушении «целого ряда договоров и обязательств», а именно ДРСМД, Договора об обычных вооруженных силах в Европе и Договора по открытому небу, Будапештского меморандума, Хельсинкских договоренностей и Президентских односторонних инициатив, а также в том, что она «противостоит усилиям, прилагаемым США по организации очередного раунда переговоров в целях заключения нового ДСНВ и отказывается от предложений США о сокращении нестратегических ядерных сил»⁵². Правда, не совсем понятно, какое отношение к инициативе Б. Обамы о продолжении процесса сокращения арсеналов СНВ имеет действующий президент США, который критиковал это предложение еще в период предвыборной кампании, а своими заявлениями в октябре вообще его перечеркнул. При этом о российских инициативах по продолжению процесса сокращения СНВ путем придания ему комплексного характера (с включением в переговоры проблематики ПРО и военного космоса) авторы «Обзора» не упоминают вовсе. Одновременно отмечается, что США допускают возможность продления действующего Договора о сокращении СНВ на очередной пятилетний период, если будет достигнута соответствующая договоренность.

Отдельный пассаж в «Обзоре» посвящен ДРСМД. Безапелляционно утверждается, что «Соединенные Штаты соблюдают положения Договора и привержены его сохранению»⁵³. И это несмотря на то что Россия с начала 2000-х годов выражает озабоченность по крайней мере тремя случаями несоблюдения Вашингтоном положений ДРСМД (ракеты-мишени «Гера», ударные беспилотники, универсальные пусковые установки Мк-41 в составе информационно-управляющей системы «Иджис», развернутые на территории Румынии и планируемые к размещению в Польше и Японии). Более того, в «Обзоре» заявляется, что «на протяжении четырех лет Соединенные Штаты оказывают давление на Россию с целью заставить ее вернуться к соблюдению положений Договора и продолжают его оказывать для того, чтобы сохранить Договор»⁵⁴. Обоснование возможного выхода США из

⁵² Ibidem.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibidem.

ДРСМД и непродления Договора о СНВ следующее: «...тем не менее Москва должна понять, что Соединенные Штаты не будут бесконечно терпеть несоблюдение Россией положений Договора. Статус-кво, в котором США продолжают выполнять Договор, а Россия продолжает развертывание [крылатых ракет наземного базирования большой дальности. — *Авт.*], неприемлемо». И далее: «...соглашения, которые нарушаются, не могут обеспечить предсказуемость, подрывают перспективы продолжения процесса контроля над вооружениями, могут нанести ущерб безопасности Соединенных Штатов, их союзников и партнеров. Заключение новых соглашений с государством, нарушающим многочисленные действующие соглашения, продемонстрирует терпимость к несоблюдению и подорвет процесс контроля над вооружениями в целом»⁵⁵.

Достаточно странно читать подобные безапелляционные утверждения в программном документе страны, положившей начало развалу системы контроля над стратегическими ядерными вооружениями своим односторонним выходом из Договора по ПРО. В этом свете не выглядит неожиданным, что пришедший через два месяца после выхода данного «Обзора» на ключевой пост в администрации Дж. Болтон быстро повел дело к развалу ДРСМД и Договора об СНВ.

«Обзор» 2018 г. является первым официальным американским документом, в котором зафиксирован миф о том, что в силу значительного преимущества в количестве нестратегических ядерных боеприпасов у России якобы имеется доктрина применения НСЯО в целях деэскалации широкомасштабного конфликта с использованием обычных средств поражения («эскалация для деэскалации»).

Исходя из этого ложного посыла, нынешнее руководство Пентагона приняло решение о наращивании своего арсенала НСЯО. Для этого «в краткосрочной перспективе Соединенные Штаты планируют модифицировать небольшое число существующих баллистических ракет подводного базирования (БРПЛ), с тем чтобы иметь возможность использовать ядерные боеголовки малой мощности, а в более долгосрочной перспективе перейти к применению КРМБ»⁵⁶. При этом в отношении последних в «Обзоре» содержится следующий довольно интересный пассаж:

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibidem.

«КРМБ обеспечат необходимое региональное присутствие американского нестратегического ядерного оружия и гарантированный ответ на продолжающееся нарушение Россией положений Договора о РСМД. В случае если Россия вернется к соблюдению своих обязательств в области контроля над вооружениями, сократит свой арсенал НСЯО и скорректирует свое дестабилизирующее поведение, Соединенные Штаты могут пересмотреть свои подходы относительно КРМБ в ядерном оснащении»⁵⁷. Условия, прямо скажем, практически нереализуемые, если говорить о ведении равноправного уважительного диалога. В этом же тоне выдержаны и другие положения «Обзора»: «Действительно, возвращение в арсенал ВМС КРМБ в ядерном оснащении может побудить Россию приступить к серьезным переговорам о сокращении НСЯО так же, как развертывание в Европе в 80-е годы прошлого века американских БРСД [баллистических ракет средней дальности. — *Авт.*] привело к заключению ДРСМД». Очевидно, авторы обзора забыли, что ранее Российская Федерация и Соединенные Штаты спокойно взаимодействовали в условиях наличия на вооружении ВМС США (до 2012 г.) этих самых ракет. Что вызывает особое недоумение, так это то, что применять НСЯО американцы планируют исключительно на удаленных ТВД, прежде в сего в Европе, почему-то полагая, что ядерный конфликт с применением НСЯО можно контролировать и он вряд ли перерастет в глобальный.

* * *

Возвращаясь к отмеченной ранее аналогии с событиями 1968 г., следует подчеркнуть, что мнимые нарушения со стороны России послужили лишь поводом, а причиной выхода из ДРСМД стали новые возможности Китая, серьезно ограничивающие свободу действий США в регионе (этой связи представители администрации и не скрывают) в условиях, когда начатый Б. Обамой курс на «перенос центра тяжести» не только не свернут, но и усиливается при Д. Трампе. Эту причину указывают и сам нынешний глава Белого дома, и его помощник по национальной безопасности Дж. Болтон.

В настоящее время для обозначения такого потенциала используется термин «противодействие доступу / воспреещение маневра» («anti-access / area denial»), введенный в употребление

⁵⁷ Ibidem.

в американской литературе в 2003 г., когда США, в то время занятые «глобальной войной с террором», неожиданно для себя обнаружили у Китая новые возможности, меняющие региональный баланс сил [Posen, 2003; Krepinevich et al., 2003]. В 2010 г. термин был включен в «Четырехлетний обзор» Министерства обороны⁵⁸ и с тех пор постоянно присутствует в документах. Согласно официальным трактовкам первый компонент (Anti-Access) направлен на то, чтобы замедлить развертывание сил противника на ТВД либо заставить его действовать с больших расстояний, т.е. на невыгодных условиях. Второй компонент (Area Denial) должен лишить оппонента свободы действий в пространстве, ограничить его маневр, если не удалось помешать его доступу на ТВД⁵⁹.

Истоки и самой этой концепции, и ее материального наполнения можно обнаружить в 1940-х годах. Невозможность перерезать воздушные и морские коммуникации выдвигала на первое место противодействие использованию противником наземной инфраструктуры. Только так можно было сорвать или хотя бы замедлить сосредоточение его группировки на ТВД. Тот факт, что это является «узким местом» при планировании, открыто признавал Д. Эйзенхауэр в своих мемуарах, вышедших в 1948 г. Характеризуя потенциальные возможности нового оружия — управляемых ракет, он отмечал: «Вероятно, если бы немцам удалось усовершенствовать это оружие месяцев шесть назад и пустить его в ход, то наше вторжение в Европу было бы крайне затруднено, а возможно, и исключено. Я убежден, что если бы противник сумел использовать такое оружие в течение этого времени против основных объектов в районе Портсмута, Саутгемптона, то вся операция “Оверлорд” могла бы оказаться перечеркнутой»⁶⁰. Впоследствии о том, к чему приводит отсутствие потенциала противодействия проецированию силы на ТВД, можно было судить по результатам войн в Корее (1950), Персидском заливе (1991, 2003), Югославии (1999). Вероятно, уроки всех

⁵⁸ Quadrennial Defense Review Report. Washington, D.C.: U.S. Department of Defense. February 2010. P. 31. Available at: https://DOD.defense.gov/Portals/1/features/DefenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (accessed: 12.10.2018).

⁵⁹ Air-Sea Battle. Service Collaboration to Address Anti-Access & Area Denial Challenges. An unclassified summary of the classified Air-Sea Battle Concept, Version 9.0. 12.05.2013. P. 2 // U.S. DOD. Available at: <http://archive.defense.gov/pubs/ASB-ConceptImplementation-Summary-May-2013.pdf> (accessed: 12.10.2018).

⁶⁰ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу / Пер. с англ. Е.М. Федотова. Смоленск: Русич, 2000. С. 298–299.

названных конфликтов внимательно изучали в КНР наравне с советским опытом строительства СЯС. Можно также предположить, что применительно к СССР задачу противодействия развертыванию противника на ТВД вплоть до подписания ДРСМД в 1987 г. могла решать группировка БРСД. В современных условиях Россия таких средств не имеет, зато ими располагает Китай, не связанный положениями ДРСМД.

По оценкам американских специалистов, создав потенциал для поражения объектов инфраструктуры в западной части Тихого океана (портов и авиабаз, а также «плавающих аэродромов» — авианосцев), Китай к середине 2010-х годов приобрел реальную возможность лишить США доступа на ТВД на такой интервал времени, в течение которого стремительное развитие конфликта (например, вокруг Тайваня) может привести к его завершению [Heginbotham, 2015].

Основа этого потенциала — группировка мобильных БРСД, известных как «Дунфэн-21» (в США им присвоено условное обозначение CSS-5), в нескольких модификациях, в том числе в неядерном оснащении (CSS-5 Mod. 3) [Kristensen, Norris, 2018]. Дальность полета в зависимости от варианта составляет от 1700 до 2500 км, что позволяет поражать все базы США на Японских островах и Корейском полуострове. 3 сентября 2015 г. на параде в Пекине в честь 70-летия победы над Японией была впервые продемонстрирована новая мобильная БРСД «Дунфэн-26», которая, по оценкам, в отличие от предыдущей, может достичь острова Гуам, что имеет принципиальное значение для США [Wilson, 2016]. В апреле 2018 г. официальный представитель Министерства обороны КНР заявил: «Ракетные войска НОАК [Народно-освободительной армии Китая. — *Авт.*] приняли на вооружение ракету “Дунфэн-26”, которая является полностью разработанной Китаем баллистической ракетой средней дальности нового поколения, она прошла все необходимые испытания и проверки на готовность к бою»⁶¹.

Можно предположить, что для нового комплекса также созданы различные виды боевого оснащения: ядерные, высокоточные обычные и специальные с самонаводящейся головной частью для поражения подвижных целей. Последний вариант оснащения

⁶¹ Армия Китая получила на вооружение баллистическую ракету средней дальности // РИА Новости. 26.04.2018. Доступ: <https://ria.ru/world/20180426/1519453674.html> (дата обращения: 12.10.2018).

уже эксплуатируется в составе ракетного комплекса «Дунфэн-21» (модификация CSS-5 Mod. 4) и способен поражать крупные надводные корабли, в первую очередь американские авианосцы. Именно его появление в 2000-х годах вызвало волну озабоченности в США. Следует отметить, что в данном случае Китай не только повторил советскую концепцию «противодействия доступу», но и пошел дальше. Заключение ДРСМД перечеркнуло возможность создания в СССР противозависимой системы наземного базирования на основе, например, БРСД «Пионер», что было бы совершенно логичным шагом в ответ на выдвинутую в середине 1980-х годов «морскую стратегию» (Maritime Strategy) администрации Р. Рейгана. Зато Китай в первом десятилетии XXI в. смог реализовать эту концепцию [Erickson, Yang, 2009].

Очевидно, что ликвидация данного потенциала КНР является для администрации Д. Трампа приоритетной задачей. При этом проработка возможных технических решений велась уже давно (например, средства, предлагавшиеся администрациями Дж. Буша-мл. и Б. Обамы в рамках концепции БГУ).

Взгляды на задачи БГУ, как отмечено ранее, были пересмотрены администрацией Б. Обамы. Несмотря на сохранение в названии термина «глобальный», акцент сделан на «региональных» действиях: требования к техническим средствам предусматривают возможность их применения в масштабах ТВД. Именно такой пересмотр концепции БГУ привел к отказу от ДРСМД. Правда, одновременно возникают проблемы для другого договора — СНВ, с учетом содержащегося в «Обзоре» 2018 г. положения об оснащении БРПЛ маломощным ядерным зарядом, что означает, по сути, возвращение к ранним вариантам БГУ, включавшим «ядерные опции».

Скорее всего, США пойдут по тому же пути, что и на заключительном этапе «холодной войны»: развертывание группировки средств средней дальности с последующим их «разменом» на ликвидацию китайского потенциала «противодействия доступу». Проработка одного из вариантов материального наполнения — создание крылатых ракет средней дальности наземного базирования — была разрешена еще принятым в декабре 2017 г. законом о расходах на оборону на 2018 фин. г.⁶² Предусмотренный тем же

⁶² Public Law 115–91. December 12, 2017. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018. Sec. 1243 (C) (2) // U.S. Government Printing Office. Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-115publ91/pdf/PLAW-115publ91.pdf> (accessed: 12.10.2018).

документом доклад Пентагона о «дополнительных мерах военного характера» был представлен Конгрессу через несколько дней после заявления Д. Трампа о возможности выхода из ДРСМД. В частности, рассматриваются возможности повышения дальности существующих систем «тактического» назначения до уровня более 500 км, развертывание на передовых позициях крылатых и баллистических ракет наземного базирования (в том числе с маневрирующими головными частями)⁶³.

* * *

Таким образом, новый «Обзор ядерной политики» США, как и «Стратегия национальной безопасности» (2017) и «Национальная оборонная стратегия» (2018), характеризуется полной сменой политических приоритетов по сравнению с позицией администрации Б. Обамы. В то же время для двух «ядерных обзоров» характерна преемственность в отношении планов модернизации СЯС и обеспечивающей их инфраструктуры.

Главным приоритетом нынешней американской администрации является проведение полной модернизации всего ядерного комплекса с одновременным наращиванием его нестратегического компонента. По факту это означает отказ от проводившейся Соединенными Штатами после окончания «холодной войны» политики постепенного снижения роли ЯО и движения к «глобальному нулю», что предписано Статьей VI ДНЯО.

Определив в названных документах в качестве противников США две пары государств — Иран и КНДР, КНР и Россию, администрация Д. Трампа в своей ядерной стратегии синтезировала подходы предшественников. В отношении первой пары развивается линия администрации Дж. Буша-мл., в основе которой — нанесение упреждающих контрсилowych и обезглавливающих ударов. При этом ЯО рассматривается не в качестве средства сдерживания, а как реально применимый военно-силовой инструмент политики, используемый для нанесения противнику поражения (defeat) и последующей смены режима. Материальным обеспечением данного курса служат прежде всего ядерные заряды малой мощности — один из приоритетов «Обзора» 2018 г.

⁶³ McLeary P. Pentagon INF Report Hits Hill // Breaking Defense. 24.10.2018. Available at: https://breakingdefense.com/2018/10/pentagon-inf-report-hits-hill-putin-issues-threats/?_ga=2.120646856.1161200145.1540465286-1021196632.1540465286 (accessed: 12.10.2018).

Политика в отношении России и КНР сложнее и имеет более глубокие корни. В ее основе — ядерное сдерживание образца последних полутора десятилетий «холодной войны», которое базируется на «лишении противника выигрыша» (denial) при любом сценарии развития конфликта. Основные контуры этого подхода были изложены в «доктрине Шлесинджера», предполагавшей нанесение ограниченным нарядом сил, выделяемых для первого («дозированного») удара, такого ущерба, который был бы чувствительным для противника настолько, чтобы принудить его к политическому компромиссу, но не в той мере, чтобы спровоцировать его на эскалацию⁶⁴. Имеющаяся информация обо всех последующих концепциях использования СЯС США вплоть до директивы Б. Обамы 2013 г. (пока не замененной Д. Трампом) позволяет предположить, что такие базовые постулаты «доктрины Шлесинджера», как дозированное применение СЯС, управление эскалацией в целях скорейшего завершения конфликта на условиях США и др., сохраняют свое значение и в настоящее время с учетом поправок на реалии новой военно-политической обстановки, усложнение роли ядерного фактора в современной мировой политике, становление многомерности сдерживания. Новацией Д. Трампа, причем не собственной, а унаследованной от Б. Обамы, является распространение «доктрины Шлесинджера» на КНР, т.е. превращение модели в многомерную в горизонтальном измерении. Нетрудно заметить, что это становится серьезным вызовом для стратегической стабильности.

Следует отметить, что в отношении всей названной четверки противников США рассчитывают опираться на эскалационное доминирование, которое, в отличие от периода «холодной войны» и 1990-х годов, также становится многомерным. Подтверждением этого могут служить такие приоритеты администрации Д. Трампа, как создание ядерных боеприпасов малой мощности и намерение избавиться от ограничений ДРСМД, чтобы сделать «лестницу эскалации» более гибкой и эффективной.

⁶⁴ См.: National Security Decision Memorandum 242. Policy for Planning the Employment of Nuclear Weapons. 17.01.1974 // National Security Council. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-24b.pdf> (accessed: 12.10.2018); Policy Guidance for the Employment of Nuclear Weapons. 03.04.1974 // The White House. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-25.pdf> (accessed: 12.10.2018); Report of Secretary of Defense James R. Schlesinger to the Congress on the FY 1976 and transition budgets, FY 1977 authorization request and FY 1976–1980 defense programs. 05.02.1975 // U.S. DOD. Available at: http://history.defense.gov/resources/1976-77_DOD_AR.pdf (accessed: 12.10.2018).

Чего можно ожидать в дальнейшем? Скорее всего, избежать новой гонки вооружений не удастся. Однако, в отличие от «холодной войны», когда только начинались первые переговоры (середина 1960-х — диалог по ДНЯО, 1969 г. — Договоры ОСВ и ПРО) и не было опыта достижения компромиссов, сейчас в активе багаж нескольких десятилетий переговорного процесса, наработанные модели и форматы (официальные и неофициальные каналы), научные разработки (теоретические и прикладные). Дело будет в политической воле.

Авторы выражают надежду, что она появится, пусть и не сразу. Возможно, придется пройти через один или несколько опасных кризисов. Примерами могут служить события 1962 и 1983 гг., когда их участники вплотную подходили к опасной черте. В первом случае кризис происходил в условиях существенного американского превосходства в ядерных силах — аналогичная ситуация сложилась в настоящее время в отношениях между США и КНР. Во втором случае события развивались в условиях паритета — ситуации, которая существует ныне между США и Россией, хотя и не на таком высоком количественном уровне. Авторы рассчитывают, что уроки истории должны сыграть важную роль фактора, сдерживающего возможную эскалацию конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасев М.И. Концепция и технологии неядерного быстрого глобального удара // Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. акад. РАН А.А. Кокошина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017. С. 220–255.

2. Есин В.И. Ядерная политика США и их ядерные силы // Россия–Америка в XXI веке. 2016. № 3. Доступ: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=517> (дата обращения: 06.08.2018).

3. Есин В.И. Ядерная стратегия США и перспективы развития их ядерных сил // Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России / Под ред. С.М. Рогова. М.: Весь мир, 2017. С. 182–210.

4. Козин В.П. Ядерная стратегия Барака Обамы. М.: Изд-во Российского института стратегических исследований (РИСИ), 2014.

5. Кокошин А.А., Бартенев В.И., Веселов В.А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США // США–Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 11 (551). С. 3–22.

6. Кортунов С.В. Ядерный гамбит Барака Обамы // Индекс безопасности. 2011. Т. 17. № 3. С. 39–56.
7. Brands H. American grand strategy in the age of Trump. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2018.
8. Brands H. Choosing primacy: U.S. strategy and global order at the dawn of the post-Cold War era // Texas National Security Review. 2018. Vol. 1. No. 2. P. 8–33.
9. Cha T., Jungkun S. Trump by Nixon: Maverick presidents in the years of US relative decline // Korean Journal of Defense Analysis. 2018. Vol. 30. No. 1. P. 79–96.
10. Erickson A., Yang D. Using the land to control the sea? Chinese analysts consider the anti-ship ballistic missile // Naval War College Review. 2009. Vol. 62. No. 4. P. 33–86.
11. Frühling S., O'Neil A. Nuclear weapons and alliance institutions in the era of President Trump // Contemporary Security Policy. 2017. Vol. 38. No. 1. P. 47–53.
12. Gibson J. Nuclear weapons of the United States: An illustrated history. Atglen: Schiffer Publishing, 1996.
13. Grieco K.A. The 2018 National Defense Strategy: Continuity and competition // Strategic Studies Quarterly. 2018. Vol. 12. No. 2. P. 3–8.
14. Heginbotham E. The U.S.-China military scorecard: Forces, geography, and the evolving balance of power, 1996–2017. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2015. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR392.html (accessed: 10.08.2018).
15. Hooker R.D. The grand strategy of the United States. Washington, D.C.: National Defense University Press. October 2014. Available at: <https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/Books/grand-strategy-us.pdf> (accessed: 10.08.2018).
16. Ikenberry G.J. After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars. Princeton: Princeton University Press, 2001.
17. Knopf J.W. Security assurances and proliferation risks in the Trump administration // Contemporary Security Policy. 2017. Vol. 38. No. 1. P. 26–34.
18. Knopf J.W. Wrestling with deterrence: Bush administration strategy after 9/11 // Contemporary Security Policy. 2008. Vol. 29. No. 2. P. 229–265.
19. Krepinevich A.F., Watts B.D., Work R.O. Meeting the anti-access and area denial challenge. Washington, D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2003. Available at: <https://csbaonline.org/uploads/documents/2003.05.20-Anti-Access-Area-Denial-A2-AD.pdf> (accessed: 10.08.2018).
20. Kristensen H.M. Counterproliferation and US nuclear strategy // International Journal. 2008. Vol. 63. No. 4. P. 803–820.
21. Kristensen H.M. The role of US nuclear weapons: New doctrine falls short of Bush pledge // Arms Control Today. 2005. Vol. 35. No. 7. Available at: <https://www.armscontrol.org/print/1875> (accessed: 10.08.2018).
22. Kristensen H.M. U.S. nuclear strategy reform in the 1990s. Berkeley: Nautilus Institute for Security and Sustainable Development, 2000. Available at: <http://nautilus.org/wp-content/uploads/2015/05/StratRef.pdf> (accessed: 10.08.2018).
23. Kristensen H.M., Norris R.S. Chinese nuclear forces, 2018 // The Bulletin of the Atomic Scientists. 2018. Vol. 74. No. 4. P. 289–295.
24. Kroenig M. The logic of American nuclear strategy: Why strategic superiority matters. New York: Oxford University Press, 2018.
25. Kühn U. Deterrence and its discontents // Bulletin of the Atomic Scientists. 2018. Vol. 74. No. 4. P. 248–254.

26. Lieber K.A., Press D.G. The end of MAD? The nuclear dimension of US primacy // *International Security*. 2006. Vol. 30. No. 4. P. 7–44.
27. Lieber K.A., Press D.G. The rise of US nuclear primacy // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. No. 2. P. 42–54.
28. Lieber K.A., Press D.G. The new era of nuclear weapons, deterrence, and conflict // *Strategic Studies Quarterly*. 2013. Vol. 7. No. 1. P. 3–14.
29. Lieber K.A., Press D.G. The new era of counterforce: Technological change and the future of nuclear deterrence // *International Security*. 2017. Vol. 41. No. 4. P. 9–49.
30. Long A., Green B.R. Stalking the secure second strike: Intelligence, counterforce, and nuclear strategy // *Journal of Strategic Studies*. 2015. Vol. 38. No. 1–2. P. 38–73.
31. Mann J. *Rise of the Vulcans: The history of Bush's war cabinet*. New York: Viking, 2004.
32. Montgomery E.B. Contested primacy in the Western Pacific: China's rise and the future of U.S. power projection // *International Security*. 2014. Vol. 38. No. 4. P. 115–149.
33. Payne K.B. Nuclear deterrence in a new age // *Comparative Strategy*. 2018. Vol. 37. No. 1. P. 1–8.
34. Payne K.B., Foster J.S. *A new nuclear review for a new age*. Fairfax, VA: National Institute Press. 2017. Available at: <http://www.nipp.org/wp-content/uploads/2017/06/A-New-Nuclear-Review-final.pdf> (accessed: 12.08.2018).
35. Posen B.R. Command of the commons: The military foundation of US hegemony // *International Security*. 2003. Vol. 28. No. 1. P. 5–46.
36. Ritchie N. *US nuclear weapons policy after the Cold War: Russians, 'rogues', and domestic division*. New York: Routledge, 2008.
37. Roberts B. *The case for U.S. nuclear weapons in the 21st century*. Stanford: Stanford University Press, 2015.
38. Thakur R. Nuclear turbulence in the age of Trump // *Diplomacy & Statecraft*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 105–128.
39. Watson D.E. Rethinking the US nuclear triad // *Strategic Studies Quarterly*. 2017. Vol. 11. No. 4. P. 134–150.
40. Williams H. Strategic stability, uncertainty, and the future of arms control // *Survival*. 2018. Vol. 60. No. 2. P. 45–54.
41. Wilson J. *China's expanding ability to conduct conventional missile strikes on Guam*. U.S.-China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. 2016. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Staff%20Report_China's%20Expanding%20Ability%20to%20Conduct%20Conventional%20Missile%20Strikes%20on%20Guam.pdf (accessed: 12.08.2018).
42. Wolfowitz P. *Shaping the future: Planning at the Pentagon, 1989-93 // In uncertain times: American foreign policy after the Berlin Wall and 9/11 / Ed. by M.P. Leffler, J.W. Legro*. Ithaca: Cornell University Press, 2011. P. 44–62.

E.P. Buzhinsky, V.A. Veselov

**THE US NUCLEAR POLICY IN THE XXI CENTURY:
CONTINUITY AND CHANGE IN THE STRATEGIES
OF THE GEORGE W. BUSH, BARACK OBAMA,
AND DONALD TRUMP ADMINISTRATIONS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The nuclear policy of the three successive U.S. administrations over the last twenty years has revealed both continuity and change. However, a growing uncertainty over the future of the Treaty between the United States of America and the Russian Federation on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (New START) after February of 2021 necessitates a broader chronological perspective on the evolution of the U.S. nuclear policy in order to separate short-term considerations from long-term trends. In turn, this may provide the framework for forecasting trends in the U.S. nuclear policy development regardless of the outcome of the 2020 elections. This paper examines nuclear policies of the George W. Bush, Barack Obama and Donald Trump administrations as set out in the Nuclear Posture Reviews (NPR) of 2002, 2010, and 2018 respectively and related strategic planning documents, as well as its manifestations in both strategic and non-strategic nuclear weapons development plans. The authors track the origins of the Donald Trump's nuclear policy and demonstrate its continuity with the previous administrations' strategies. The paper examines plans of large-scale modernization of all components of the U.S. nuclear triad outlined in the 2018 NPR. The authors assess the potential consequences of both the U.S. withdrawal from the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty and the non-renewal of the New START. The conclusion is drawn that with regard to Iran and North Korea the Trump administration's policy will be largely similar to the policy of the G.W. Bush government but more assertive since the former considers nuclear weapons not only as a means of deterrence but as an efficient tool of military and political coercion. In its dealings with Russia and China the current administration might apply the so-called 'Schlesinger Doctrine', which might entail a return to the Cold War-era principles and strategies, though in a much more complex strategic environment. The authors warn of the risk of causing a recurrence of dramatic events similar to the 1962 and 1983 crises and express the hope that lessons drawn from the Cold War will pave the way for a new compromise.

Keywords: the United States, Nuclear Posture Review, Donald Trump, Barack Obama, George W. Bush, nuclear triad, strategic stability, military and political forecasting, INF Treaty, New START, NPT.

About the authors: *Evgeny P. Buzhinsky* — PhD (Military Science), General-Lieutenant (Rtd), Director of the Center for Political and Military Security Issues, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: evgbujin@mail.ru); *Vasily V. Veselov* — Senior Lecturer, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

REFERENCES

1. Gerasev M.I. 2017. Kontsepsiya i tekhnologii neyadernogo bystrogo global'nogo udara [Concept and technologies of the Prompt Global Strike]. In Kokoshin A.A. (ed.). *Vliyanie tekhnologicheskikh faktorov na parametry ugroz natsional'noi i mezhdunarodnoi bezopasnosti, voennykh konfliktov i strategicheskoi stabil'nosti* [The impact of technological factors on parameters of national and international security, military conflicts, and strategic stability]. Moscow, Moscow University Press, pp. 220–255. (In Russ.)
2. Esin V.I. 2016. Yadernaya politika SShA i ikh yadernye sily [U.S. nuclear policy and nuclear forces]. *Rossiya–Amerika v XXI veke*. No. 3. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=517> (accessed: 06.08.2018). (In Russ.)
3. Esin V.I. 2017. Yadernaya strategiya SShA i perspektivy razvitiya ikh yadernykh sil [U.S. nuclear strategy and prospects for their nuclear forces]. In Rogov S.M. (ed.). *Rossiisko-amerikanskoe sotrudnichestvo i protivoborstvo. Znachenie dlya natsional'noi bezopasnosti Rossii* [Russian and American confrontation and cooperation. The consequences for Russia's national security]. Moscow, Ves' Mir Publ., pp. 182–210. (In Russ.)
4. Kozin V.P. 2014. *Yadernaya strategiya Baraka Obamy* [Nuclear strategy of Barack Obama]. Moscow, Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy Publ. (In Russ.)
5. Kokoshin A., Bartenev V., Veselov V. 2015. Podgotovka revolyutsii v voennom dele v usloviyakh byudzhetykh ogranichenii: novye initsiativy Ministerstva oborony SShA [Launching a revolution in military affairs in the age of austerity: New initiatives of the U.S. DoD]. *SShA–Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura*, no. 11, pp. 3–22. (In Russ.)
6. Kortunov S.V. 2011. Yadernyi gambit Baraka Obamy [Barak Obama's nuclear gambit]. *Indeks bezopasnosti*, vol. 17, no. 3, pp. 39–56. (In Russ.)
7. Brands H. 2018a. *American grand strategy in the age of Trump*. Washington, D.C., Brookings Institution Press.
8. Brands H. 2018b. Choosing primacy: U.S. strategy and global order at the dawn of the post-Cold War era. *Texas National Security Review*, vol. 1, no. 2, pp. 8–33.
9. Cha T., Jungkun S. 2018. Trump by Nixon: Maverick presidents in the years of US relative decline. *Korean Journal of Defense Analysis*, vol. 30, no. 1, pp. 79–96.
10. Erickson A., Yang D. 2009. Using the land to control the sea? Chinese analysts consider the anti-ship ballistic missile. *Naval War College Review*, vol. 62, no. 4, pp. 33–86.
11. Frühling S., O'Neil A. 2017. Nuclear weapons and alliance institutions in the era of President Trump. *Contemporary Security Policy*, vol. 38, no. 1, pp. 47–53.

12. Gibson J. 1996. *Nuclear weapons of the United States: An illustrated history*. Atlgen, Schiffer Publishing.
13. Grieco K.A. 2018. The 2018 National Defense Strategy: Continuity and competition. *Strategic Studies Quarterly*, vol. 12, no. 2, pp. 3–8.
14. Heginbotham E. 2015. *The U.S.-China military scorecard: Forces, geography, and the evolving balance of power, 1996–2017*. Santa Monica, CA, RAND Corporation. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR392.html (accessed: 10.08.2018).
15. Hooker R.D. 2014. *The grand strategy of the United States*. Washington, D.C., National Defense University Press. Available at: <https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/Books/grand-strategy-us.pdf> (accessed: 10.08.2018).
16. Ikenberry G.J. 2001. *After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars*. Princeton, Princeton University Press.
17. Knopf J.W. 2017. Security assurances and proliferation risks in the Trump administration. *Contemporary Security Policy*, vol. 38, no. 1, pp. 26–34.
18. Knopf J.W. 2008. Wrestling with deterrence: Bush administration strategy after 9/11. *Contemporary Security Policy*, vol. 29, no. 2, pp. 229–265.
19. Krepinevich A.F., Watts B.D., Work R.O. 2003. *Meeting the anti-access and area denial challenge*. Washington, D.C., Center for Strategic and Budgetary Assessments. Available at: <https://csbaonline.org/uploads/documents/2003.05.20-Anti-Access-Area-Denial-A2-AD.pdf> (accessed: 10.08.2018).
20. Kristensen H.M. 2008. Counterproliferation and US nuclear strategy. *International Journal*, vol. 63, no. 4, pp. 803–820.
21. Kristensen H.M. 2005. The role of US nuclear weapons: New doctrine falls short of Bush pledge. *Arms Control Today*, vol. 35, no. 7. Available at: <https://www.armscontrol.org/print/1875> (accessed: 10.08.2018).
22. Kristensen H.M. 2000. *U.S. nuclear strategy reform in the 1990s*. Berkeley, Nautilus Institute for Security and Sustainable Development. Available at: <http://nautilus.org/wp-content/uploads/2015/05/StratRef.pdf> (accessed: 10.08.2018).
23. Kristensen H.M., Norris R.S. 2018. Chinese nuclear forces, 2018. *The Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 74, no. 4, pp. 289–295.
24. Kroenig M. 2018. *The logic of American nuclear strategy: Why strategic superiority matters*. New York, Oxford University Press.
25. Kühn U. 2018. Deterrence and its discontents. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 74, no. 4, pp. 248–254.
26. Lieber K.A., Press D.G. 2006a. The end of MAD? The nuclear dimension of US primacy. *International Security*, vol. 30, no. 4, pp. 7–44.
27. Lieber K.A., Press D.G. 2006b. The rise of US nuclear primacy. *Foreign Affairs*, vol. 85, no. 2, pp. 42–54.
28. Lieber K.A., Press D.G. 2013. The new era of nuclear weapons, deterrence, and conflict. *Strategic Studies Quarterly*, vol. 7, no. 1, pp. 3–14.
29. Lieber K.A., Press D.G. 2017. The new era of counterforce: Technological change and the future of nuclear deterrence. *International Security*, vol. 41, no. 4, pp. 9–49.
30. Long A., Green B.R. 2015. Stalking the secure second strike: Intelligence, counterforce, and nuclear strategy. *Journal of Strategic Studies*, vol. 38, no. 1–2, pp. 38–73.
31. Mann J. 2004. *Rise of the Vulcans: The history of Bush's war cabinet*. New York, Viking.

32. Montgomery E.B. 2014. Contested primacy in the Western Pacific: China's rise and the future of U.S. power projection. *International Security*, vol. 38, no. 4, pp. 115–149.
33. Payne K.B. 2018. Nuclear deterrence in a new age. *Comparative Strategy*, vol. 37, no. 1, pp. 1–8.
34. Payne K.B., Foster J.S. 2017. *A new nuclear review for a new age*. Fairfax, VA, National Institute Press. Available at: <http://www.nipp.org/wp-content/uploads/2017/06/A-New-Nuclear-Review-final.pdf> (accessed: 12.08.2018).
35. Posen B.R. 2003. Command of the commons: The military foundation of US hegemony. *International Security*, vol. 28, no. 1, pp. 5–46.
36. Ritchie N. 2008. *US nuclear weapons policy after the Cold War: Russians, 'rogues' and domestic division*. New York, Routledge.
37. Roberts B. 2015. *The case for U.S. nuclear weapons in the 21st century*. Stanford, Stanford University Press.
38. Thakur R. 2018. Nuclear turbulence in the age of Trump. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 29, no. 1, pp. 105–128.
39. Watson D.E. 2017. Rethinking the US nuclear triad. *Strategic Studies Quarterly*, vol. 11, no. 4, pp. 134–150.
40. Williams H. 2018. Strategic stability, uncertainty, and the future of arms control. *Survival*, vol. 60, no. 2, pp. 45–54.
41. Wilson J. 2016. *China's expanding ability to conduct conventional missile strikes on Guam*. U.S.-China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Staff%20Report_China's%20Expanding%20Ability%20to%20Conduct%20Conventional%20Missile%20Strikes%20on%20Guam.pdf (accessed: 12.08.2018).
42. Wolfowitz P. 2011. Shaping the future: Planning at the Pentagon, 1989–93. In Leffler M.P., Legro J.W. (eds.). *In uncertain times: American foreign policy after the Berlin Wall and 9/11*. Ithaca, Cornell university press, pp. 44–62.